Когда он ослабил хватку, боль стала слабее.

— ...Что у тебя с рукой?

Когда я подняла правую руку, услышав его слова, я увидела повязку, обёрнутую вокруг неё. Только тогда я вспомнила о состоянии своей руки.

— Ох, это…

Его хватка была достаточно сильной, чтобы раздавить мои кости. Так как опухоль на моей руке не спадала, Рона заставила меня погрузить её в холодную воду на всю ночь.

— Это не имеет большого значения.

Но мне всё ещё больно. Как же сильно ты сжимал её? Я посмотрела на него, касаясь другой рукой своей забинтованной руки.

Он выглядел смущённым, как будто что-то вспомнил.

Ты осознал, что сделал?

Я подавила смех и вместо этого наблюдала за выражением его лица.

— ...Это сделал я? – нерешительно спросил он.

— Воз... можно?

На самом деле, я хотела сказать это, смотря на него глазами, полными разочарования. Но выражение его лица было немного удивительным. С первого взгляда я заметила намёк на смущение на его красивом лице. Нет… Я не хотела так себя вести, потому что у меня было странное предчувствие, но я подумала, что должна попытаться разозлиться.

— Мне очень больно, – сказала я, поднимая руку и слегка помахивая ею перед ним.

— Она сломана?

Я видела, как его глаза расширились от удивления. Стоя рядом, я видела каждую перемену на его лице.

— Всё не так уж плохо.

Может быть, так и случилось бы, если бы он приложил немного больше сил, так как боль всё ещё была сильно.

— Но всё равно больно.

Я грустно взглянула на него. Я видела, что он в растерянности.

— Разве ты не помнишь?

Вздёрнув подбородок, я сильнее прижала его к себе.

— Боже, значит, ты забыл, что держал меня за руку, когда у тебя в прошлый раз был припадок.

В одно мгновение ситуация изменилась. Больше не было такой ситуации, когда страшный человек прижимал меня к стене, излучая при этом яростную ауру. Вместо этого передо мной стоял только молодой человек со смущённым видом, как будто ему было очень стыдно за себя.

Я не переусердствовала? Как бы мне ни было больно, эта боль не могла сравниться с болью человека, у которого часто случались припадки из-за болезни.

В этот момент с его губ сорвалась фраза, которую я никак не ожидала от него услышать.

— ...Прости.

Хм-м... может быть, я ослышалась. Неужели это сказал Амоид?

Он беспорядочно взъерошил волосы своей большой рукой.

Независимо от того, насколько мы были далеки как пара, я легко могла понять, что это значит. Ты, должно быть, чувствуешь себя очень неловко. Он выглядел очень расстроенным и обеспокоенным тем фактом, что и раньше сделал мне больно.

Тогда я воспользуюсь этим. Я пристально посмотрела на него. Во-первых, мне нужно было проверить, правильно ли я расслышала.

— Я тебя не слышу, – сказала я, приблизившись к нему.

Затем, как и ожидалось, он с отвращением попятился.

— Что ты делаешь?

— Я сказала, что не слышу тебя, – я посмотрела на него с твёрдой решимостью снова услышать это слово из его уст.

— Прости. С этого момента я буду осторожен.

Я заметила, как на его скулах появились красные пятна. Это была пустая трата времени – видеть, как краснеет красивый мужчина. Я не упустила этой возможности и прошептала:

— Если ты извиняешься, то как насчёт прогулки?

Иногда использование в своих интересах чувства вины человека было хорошим способом улучшить отношения.

*****

Мы с Амоидом прогуливались по прекрасной набережной Герцогства Эфрет. Воздух был освежающим, а доносящийся буйный цветочный аромат поднимал настроение.

— Ну что, как тебе? Лучше?

Он не ответил на мой вопрос и даже не выказал никакой реакции. Он просто шёл рядом, стараясь не отставать.

Если ты улыбнёшься, то умрёшь?

Я мысленно ворчала, но знала, что он и сейчас старается. Так как сегодня был первый раз, такой значительный прогресс следовало считать успехом.

— Давай время от времени гулять вместе, как сейчас.

Я взяла его под руку. Конечно, моя рука была перевязана, так что он не мог дёргать её. Он терпел мои действия, выглядя как волк на поводке.

— Здравствуйте, Господин, Миледи.

Садовники, подстригавшие деревья в саду, вежливо поздоровались с нами, обменявшись взглядами.

Это было неизбежно, так как это был первый раз, когда они увидели, как мы ходим вот так. Я прошла мимо них с грациозной улыбкой.

Служанки, которые срезали цветы в саду, чтобы украсить интерьер, и даже слуги, занятые своей работой, смотрели на нас с вопросом в глазах. Они вежливо приветствовали нас улыбками, но когда мы отходили, они начинали шептаться друг с другом.

Я могла сказать, что они скажут, даже не слыша этого сама. Селена была женщиной, чья жизнь и смерть были в руках бывшей Герцогини. Ежемесячные расходы на проживание моих младших братьев и сестёр, безусловно, были значительным залогом. Поэтому у меня не было выбора, кроме как сделать то, что сказала мне Камилла.

В этом особняке ни одна травинка не двигалась по моей воле, потому что я была не более чем инструментом для рождения преемника. Разговор горничных, который я однажды подслушала, заставил меня почувствовать себя несчастной.

[Так как она всего лишь суррогатная мать, разве её не выгонят после рождения сына?]

[Будет облегчением, если ей действительно удастся родить ребёнка.]

[Её выгонят сразу после родов?]

[Разве Мадам не потратила на неё целое состояние?]

[Это правда?]

[Даже не проверяя это, разве ты не можешь сказать этого, просто взглянув на неё? С первого взгляда можно было сказать, что это так. Иначе Мадам ни за что не выбрала бы невесту Герцогу из такой скромной семьи.]

[Да, они даже не были тайно влюблены. Я думаю, что они впервые встретились в тот день, когда она вошла в этот особняк.]

[Боже, неужели это так?]

Как только горничные, затаив дыхание, посмотрели друг другу в глаза, они разразились смехом. Потом, когда они увидели, что я прохожу мимо них, они отвернулись в сторону.

Да, так оно и было. С бывшей Селеной всегда так обращались. Даже если горничные открыто критиковали её, она не могла даже накричать на них, потому что слишком хорошо знала своё положение.

Основными целями брака между дворянами были объединение семей, установление кровных связей и дальнейшее укрепление их богатства и власти. Но её случай был другим. Она была простой женщиной, которая пришла в этот особняк, чтобы одолжить свое чрево для

вынашивания ребёнка Герцога.

Как к Герцогине, в этом особняке к ней обращались "Миледи", но ни должность, ни титул не имели значения. Она была кем-то, кого купили за деньги.

Тот факт, что Герцогиня из знатной семьи выбрала своей невесткой старшую дочь из очень скромной семьи с огромными долгами, не был обычным явлением. Так что было понятно, что люди будут так говорить. Ну, во-первых, так было прописано в контракте:

[Вот, сначала прочтите. Таковы условия моего предложения. Вы не должны принимать их, если они вам не нравятся.]

Камилла, которую сопровождал адвокат, протянула мне листок бумаги. Затем, когда я взяла его, она тут же добавила, как будто оказывала мне услугу:

[Если что, я найду кого-нибудь другого.]

Это означало, что, кроме меня, было много других кандидатов. Тем не менее, она пришла ко мне первой, вероятно, потому, что знала, что со мной легче всего иметь дело. Гора долгов. Много младших братьев и сестёр, которые цеплялись за меня, как висячие тыквы в разгар лета. Для меня не было ничего более важного, чем они.

— Гулять вместе… Какая тебе от этого выгода? – тихо спросил Амоид. Его рот был едва приоткрыт, так что он выглядел почти как чревовещатель.

Я ответила, тоже слегка шевеля губами:

— Никакой.

Затем я посмотрела на него с улыбкой:

— Я просто беспокоюсь о твоём здоровье, Амоид.

Так я сказала, но это не все. Помимо заботы о его здоровье, за моим предложением гулять вместе стояла ещё одна важная цель. Это было связано с моим выживанием. Это заставит всех думать, что между мной и Амоидом есть что-то особенное.

Именно показания слуг Герцога стали решающим доказательством против Селены, когда её заподозрили в преступлении. Они свидетельствовали, что Герцог и его жена не были в хороших отношениях, и он ненавидел её.

Более того, их показания о том, что она вышла замуж за Герцога из-за денег, поставили её в крайне невыгодное положение. Все эти показания внесли значительный вклад в осуждение Селены за убийство и в конечном итоге привели её к повешению на виселице.

Пришло время изменить мою репутацию. Просто на случай, если в будущем я столкнусь с чем-то неожиданным, мне нужно заранее заручиться поддержкой людей, которые могут свидетельствовать в мою пользу.

Для этого, более чем что-либо другое, было необходимо активное сотрудничество одного человека. Амоида, моего мужа по бумагам. У нас даже не было свадебной церемонии, и я никогда не входила в круг общения с гордостью, что я его жена.

Тем не менее, я была его официальной женой. Мой статус действителен до тех пор, пока этот брак не будет расторгнут.

Итак, отныне мы будем любящей парой. Таким образом, все поверят, что я не могу отравить своего мужа.

— ...Ты хочешь, чтобы я поверил тебе?

Его сонный голос эхом отдавался в моих ушах, как недовольное мяуканье кошки, которая вот-вот заснёт на солнце.

Я медленно приходила в себя. Его голос. Голос, который заставил меня захотеть установить его в музыкальную шкатулку и воспроизводить его каждый вечер.

...Должно быть, я сошла с ума. Я медленно повернула к нему голову и откашлялась.

— Ты, конечно, должен мне поверить. Я же твоя жена.

— Ты уже какой раз говоришь о том, что ты моя жена. Неужели ты не можешь забыть об этом?

Он недовольно нахмурился.

— Но ведь это правда.

Я ответила с широко открытыми глазами.

— Пока ты не подпишешь бумагу о разводе.

http://tl.rulate.ru/book/48715/1460916